

Игорь Кауфман (Санкт-Петербург, Россия)

ЭТИКА И КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ (МЕСТО ЭТИКИ В УЧЕНИЯХ ДЕКАРТА И СПИНОЗЫ)

Igor Kaufman (Saint Petersburg, Russia)

The Ethics and Culture of New Time (The Ethics' Role in the Doctrines of Decart and Spinoso)

The relation between the doctrines of Decart and Spinoso and the medieval philosophy in particular, can be seen in ethics, to be more precise, in the correlation between metaphysics and ethics. Though the initial intention of Spinoso is the development of method, its terminology used for the method's characteristics, that is treatment, refinement, definitely indicates the relation between medicine and ethics. Ethical orientation of logics is clearly expressed in the logical treatises that belong to the Cartesian tradition.

Эпиграфом к своей статье я хотел бы взять следующие слова Роджера Арьё, одного из наиболее значительных современных исследователей философии Нового времени и, особенно, Декарта. Говоря о картезианском древе наук, Арьё пишет: «Что означают слова Декарта, что мораль возникает из физики? Как нам понимать утверждение, что медицина, механика и этика являются высшими науками? И какое место в ней занимает теология? Возможно, эти вопросы говорят нам не столько о Декарте, сколько о нас самих».

В силу определенных причин нам сложно говорить о какой-то сложившейся *российской* традиции истолкования Декарта (хотя можно привести много чрезвычайно плодотворных отдельных локальных примеров); тем более эти слова можно отнести и к Спинозе. Напротив, современные историко-философские исследования и вообще философия связаны с возрождением философии Нового времени. Многие авторы полагают, что философия XVII века, картезианство и спи-

нозизм, является истоком всей целостности европейской культуры последних трех с половиной столетий¹. Поэтому, например, часто современные исследователи Декарта определенно говорят о необходимости пересмотра сложившихся установок и толкований.

В российском контексте сказать подобное вряд ли возможно. Тем не менее, можно достаточно определенно говорить о наиболее общих подходах к Новому времени, к картезианству. Суть их в следующем — философия, как и наука Нового Времени этически нейтральна, и в пределе разделяет истину и благо, научный поиск истины и благо; более того:

- благо в новоевропейской философии есть нечто относительное,
- идея же блага не-относительного рассматривается как обусловленная предрассудками человеческой природы.

Во многом это действительно так. При прочтении основных философских трактатов мыслителей Нового Времени несложно понять, что в понимании этики происходит существенное изменение. Несомненно, что оно связано как с реформой рациональности, свершившейся благодаря научной революции, так и с «перспективой» изменений в социальном и культурном порядке европейской цивилизации в целом.

Однако фундаментальное изменение в статусе этике, действительно произошедшее при переходе от Средних веков к Новому Времени (или «Раннему Модерну») было в действительности связано с рядом микроизменений. Если мы возьмем место этики в делении и классификации наук в позднесcholasticких университетских учебниках, то, в целом, оно остается прежним. Разумеется, было бы ошибочным рассматривать схоластическую философию как нечто абсолютно единое. Тем не менее, в целом схоластика рассматривала этику как высшую часть практической философии. Одновременно этика понималась как общее обозначение для *деятельностной* (активной) практической философии, включавшей политику и экономику².

Трансформации этического и морального дискурса связаны, в своих существенных моментах, с «возрождением» и влиянием стоицизма, оказавшимся крайне востребованным для самых различных модусов дискурса модерна — от обоснования толерантности до правовых и экономических концепций. Другим истоком изменений в этике было понимание места этики в новых классификациях наук, предложенных в ключевых текстах новоевропейской философии.

Новоевропейская философия возникает на фоне процесса переосмысления взаимовлияния и взаимоопределения между философией (в более точном смысле мы, разумеется, должны говорить о *метафизике*) и целым рядом наук; в первую очередь, речь идет о таких науках как математика и механика, однако не менее важным было и взаимовлияние между метафизикой и теологией, психологией, этикой и поли-

тикой³. Важнейшее место в трансформации этики занимают учения Декарта и Спинозы.

Средневековая философия, Декарт, Спиноза

Связь средневековой философии с концепциями Декарта и Спинозы изучается уже, наверное, более полутора столетия и количество работ на эту тему давно уже сформировали отдельную библиотеку. На мой взгляд, связь учений Декарта и Спинозы со средневековой философией проявляется и в этике, точнее в соотношении метафизики и этики. Пример Спинозы наиболее характерен. Основное произведение Спинозы названо *Этика*, а *Богословско-Политический Трактат*, кстати, превосходящий *Этику* по объему и многими рассматриваемый как столь же значимое произведение, столь же важное для Спинозы, вообще посвящен политике (части практической философии), более того политике, одновременно автономной, но и требующей строгих и точных методов поиска баланса между различными интересами. Что касается *Этики*, то ее название – вообще очень редкий случай – трактат по онтологии, теории познания и психологии, вообще сочинение по философии как таковой, назван именем одной из частей философии, причем практической, деятельной части.

Возможность такого отождествления содержится в принципе у Платона, но можно скорее говорить о традиции, условно обозначаемой как «неоплатонизм», столь значимой для средневековой философии⁴. При этом хорошо известна специфика арабского и еврейского неоплатонизма – сближение этики и теологии, вообще приоритет этики (деятельности) над верой (точнее *дел* над *верой* – поэтому принцип *sola fide* для еврейской традиции представляется несколько некорректным) и одновременно сближение этики и познания, понимание знания как самопознания и самоочищения⁵.

Разумеется, необходимо помнить, что средневековая мысль может быть понята как «теоцентризм» в том смысле, что в ней требуется тождество блага и истины, то есть благо понимается как основание мышления. Близость подобных тем философии Спинозе несомненна⁶, однако сопоставление познания и самосовершенствования (самоочищения⁷) характерно для некоторых непосредственных современников и предшественников Спинозы, например Арнольда Гейлинкса и ближайшего друга Людовика Мейера, усвоивших многие идеи и выводы Декарта⁸. Поэтому о Спинозе говорится, что его «практическая философия» есть основа его «теории», а не наоборот. См. современные толкования – «Спинозизм представляет собой в первую очередь практическую философию. Многие современные французские интерпретации подчеркивают первостепенное значение последних частей *Этики* и политической философии»⁹.

Этика в концепциях Декарта и Спинозы

Более того, в сущности, связь метафизики и этики достаточно разработана у Декарта. Если мы обратимся к его философии, то, на первый взгляд, для него, разумеется, интерес к этике достаточно второстепенен¹⁰. Тем не менее, некоторые рассуждения Декарта на эту тему крайне важны. Известно его высказывание (из письма к Пико, являющегося одновременно предисловием к французскому переводу *Принципов Философии*), что «вся философия подобна дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие от этого ствола, — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике. Последнюю я считаю высочайшей и совершеннейшей наукой, которая предполагает полное знание других наук и является последней ступенью к высшей мудрости»¹¹. Здесь этика следует из метафизики и физики, что кажется соответствующим (особенно если подчеркивать, что именно физика — несомненно новая, механицистская, а отнюдь не аристотелевская — является фундаментом этики) основным идеям новой философии¹².

Гейбби полагает, что Декарт в изображении древа опирался или мог опираться на идеи Людовико Карбона (а именно из его трактата *Introductio in universam philosophiam libri quatuor*, Венеция, 1599). Правда, вряд ли здесь можно говорить о точном историческом следовании: Карбон, учившийся в *Коллегио Романо*, заимствовал свои взгляды из лекций по логике Павла Валлы, прочитанных в этом знаменитом учебном заведении иезуитов в 1588 г. Суть рассуждений Карбона заключалась в следующем — физика как теоретическая наука связана с двумя подчиненными практическими науками: этикой, зависящей от той части натурфилософии, в которой исследуется душа и медициной, зависящей от знаний о теле¹³. По словам Арёе и Уолесса популярность трактатов Карбона обеспечивалась простым обстоятельством — он многое прямо заимствовал у других авторов, то есть был попросту говоря плагиатором¹⁴. Скорее всего, Декарт не имел непосредственного знания о работах Карбона, поскольку сам Декарт признавался, что он читал только трактаты Франциско Толедо. Кроме того, взгляды Карбона можно охарактеризовать как вполне «традиционные».

Однако в пользу оригинальности Декарта свидетельствует не только неизвестность или традиционность Карбона. Стоит обратить внимание, что перед цитированным фрагментом Декарт говорит немного другое: «тот, кто обладает только обычным и несовершенным знанием, которое можно приобрести посредством четырех вышеуказанных способов, должен прежде всего составить себе правила морали, достаточные для руководства в житейских делах, ибо это не терпит промедления и *нашей первой заботой должна быть правильная жизнь*»; лишь затем Декарт предлагает заняться логикой (но не школьной логикой, а истинной логикой,

т.е. методом), математикой, метафизикой, физикой и далее «должно также по отдельности исследовать природу растений, животных, а особенно человека, чтобы быть в состоянии приобретать прочие полезные для него знания»¹⁵, т.е. этика стоит в начале и в основе философии. Более того, следует, что этика у Декарта, в духе Гегеля, есть начало и завершение философии.

Если мы обратимся к взглядам Спинозы, то помимо известного сопоставления метода Спинозы, геометрического порядка изложения и взглядов его предшественников и современников на природу математики и математического метода можно отметить связь метода с другой наукой – медициной. Напомним, что в письме 59 Чирнгаус (сам профессиональный математик) сообщает Спинозе:

Вы указали мне метод, которым Вы пользуетесь для нахождения истин, Вам еще не известных. Из своего опыта я нахожу, что метод этот превосходит и в то же время весьма легок, насколько я его понимаю. Могу сказать, что его одного было уже достаточно, чтобы сильно продвинуть меня в математике.

Эта ситуация напоминает историю из первых писем – в письме 8 ученик и последователь Спинозы де Фрис также говорит об изучении определенной науки (правда не математики, а медицины), а также подразумевает, что он, подобно Чирнгаусу, руководствовался некоторыми рекомендациями Спинозы:

Я прохожу теперь курс анатомии, дошел уже почти до половины; окончив его, примусь за химию и таким образом пройду – по Вашему совету – всю медицину.

Де Фрис был одним из первых читателей *Этики*, поэтому он был хорошо осведомлен в философии Спинозы. Кстати говоря, на мой взгляд, медицина появляется здесь отнюдь не случайно. Прогресс в этой науке был одним из важнейших элементов научной революции XVII века, многие новые (натур)философские идеи возникали именно в рамках медицины и, в свою очередь, оказывали влияние на нее. Хорошо известны споры о статусе медицины, о соотношении медицины и натурфилософии. Медицина, назначение коей – забота о человеческом теле – в целом в европейской философской и научной традиции может быть истолкована как часть этики, или как дисциплина, аналогичная этике. Ее задача – *усовершенствование* и *воспитание* (культивирование) тела. Сравнение этики и медицины восходит еще к Аристотелю: в *Никомаховой этике* он несколько раз сопоставляет эти науки¹⁶. Такие известные падуанские философы как Франческо Пикколомини и Якопо Цабарелла достаточно подробно обсуждали данное сопоставление (а влияние падуанской школы на становление новой науки хорошо известно и общепризнанно). Согласно Пикколомини, аналогия между этикой и медициной основана на том, что обе эти науки разделяются на теоретическую и прикладную части. Цабарелла же подчеркивал «оперативную»,

деятельную сущность этики: по его мнению, как общая, так и прикладная части этики направлены на действие, вследствие чего их можно считать «медициной души»¹⁷.

Возвращаясь к Спинозе и его корреспонденту, мы можем задаться вопросом: не попытался ли де Фрис использовать метод Спинозы как облегчающий продвижение в изучении медицины (подобно тому, как Чирнгаус впоследствии обнаружил значение этого метода для изучения математики)? Сам Спиноза сравнивает логику и медицину опосредованно:

Перехожу, наконец, к другой части этики, предмет которой составляет *способ или путь, ведущий к свободе*. Таким образом, я буду говорить в ней *о могуществе разума* (Ratio) и покажу, какова его сила над аффектами и затем — в чем состоит *свобода* или *блаженство души*: мы увидим из этого, насколько мудрый могущественнее невежды. До того же, каким образом и каким путем должен быть разум (Intellectus) совершенствуем и, затем, какие заботы должно прилагать к телу, дабы оно могло правильно совершать свои отправления, здесь нет дела, ибо первое составляет предмет *логики*, второе — *медицины*¹⁸.

Логика и медицина упомянуты здесь не просто вместе, но и в некоей систематической связи с этикой. Таким образом, логика имеет этическую цель, пусть (до определенного момента) достаточно ограниченную. Наконец это подтверждает и логический трактат Чирнгауса, вышедшей в 1687 — *Медицина духа*¹⁹, в коем логика предстает уже как подлинная реформа всей человеческой деятельности (эту целостность Чирнгаус вслед за Спинозой называл «Дух», *Mens*). Подобная реформа является подлинным «очищением», «терапией» духа. В силу этого вполне обоснована мысль Спинозы, что «так как лучшая часть в нас есть разум (intellectus), то несомненно, что, если мы действительно желаем искать пользы для себя, мы должны больше всего стараться о совершенствовании его, насколько возможно, ибо в его усовершенствовании должно состоять высшее наше благо» (*Богословско-политический трактат*, глава 4)²⁰.

Неудивительно, что уже в самом раннем произведении Спинозы — *Трактате об очищении интеллекта* — логика, этика и медицина упоминаются в числе наиболее необходимых наук. В принципе нижеприведенный фрагмент говорит об их связи достаточно ясно. Правда, *Трактат* является не только самым ранним сочинением Спинозы: он незавершен и, несмотря на ранний характер, опубликован только в «Посмертных трудах». Однако, приведенные цитаты из позднейших трактатов и писем Спинозы вполне соответствуют идее следующего фрагмента:

необходимо занятие Моральной Философией ... так как здоровье является немаловажным средством для достижения указанной цели, то требуется привлечение сюда и Медицины ... Но, прежде всего, надо осознать способ врачевания интеллекта и его, сколько возможно внача-

ле, очищения (*modus medendi intellectus ipsumque expurgandi*), для того, чтобы он мог удачно, безошибочно и по возможности наилучше понимать вещи²¹.

Хотя Спиноза и предлагает вначале разработать метод, его терминология, используемая для характеристики метода — врачевание, очищение — однозначно указывает на связь с медициной и этикой.

Логика и методология тем самым показывают нам, как достичь «высшего блага». Это положение Спинозы раскрывает суть исходной картезианской позиции, особенно в янсенистской интерпретации. При этом не случайно, что этическая ориентация логики четко выражена в логических трактатах, принадлежащих данной традиции. Данная идея легко обнаруживается в одном из самых известных из них — в *Логике, или Искусстве мыслить* Арно и Николя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История влияния Декарта, картезианства и особенно Спинозы на Просвещение XVII и XVIII вв. всесторонне рассматривается в наиболее значительном достижении интеллектуальной истории последних лет — в работах Дж. Израэля «Radical Enlightenment» (Oxford, 2001) и «Contesting Enlightenment» (2007). Израэль подчеркивает, что влияние Спинозы было сформировано и поддерживалось не только позитивным восприятием, но и критической реакцией, многочисленными критическими опровержениями. Более того — даже после того, как влияние эмпиризма Локка и Ньютона превосходит влияние картезианства, спинозизм все равно остается важнейшим источником Просвещения. Многие принципиальные идеи и категории Просвещения, в сущности, оказываются результатами критического диалога с философией Спинозы. См. также, например, одну из многочисленных статей-рецензий: *Nadler, S. Radical Enlightenment [Review article] // British journal for the history of philosophy, 10.2, p. 289-194.*

² Об изменениях в месте и содержании этики в контексте классификации «наук и искусств» см.: *Celano, A. J. The end of practical wisdom: ethics as science in the thirteenth century // Journal of the history of philosophy, 33.2, 1995. p. 225-243.*

³ Многие (а каком-то смысле все) из названных наук в семнадцатом и восемнадцатом столетии очень часто рассматривались как разделы «естествознания». Разумеется, в большей степени это касалось психологии, моральной философии, политики — например в виде теорий, что возникновение и развитие наций и государств обусловлено исключительно естественными, природными причинами. Но это касалось и теологии, что отразилось в возникновении и разнообразном использовании термина «физико-теология». Но даже если все указанные науки и включались в «естествознание» (границы которого были достаточно неопределенными), то это отнюдь не исключает понимания самими мыслителями различия (демаркации) между этикой и физикой, или между психологией и механикой. Даже методы могут использоваться схожие — это вовсе не означает, что отсутствовали сознание их различия.

⁴ *Rudavsky, T. Matter, mind and hylomorphism in Ibn Gabirol and Spinoza // H. Lagerlund (ed.), Forming the Mind. Essays on the Internal Senses and the Mind / Body Problem from Avicenna to the Medical Enlightenment. 207-235.*

⁵ Так, Вулфсон приводит примеры средневековых классификаций наук, в коих этика ставится выше метафизики: «Ихван Аль-Афа, Аль-Мукамма и Бахья Ибн Пакуда рассматривают этику как часть теологии. Более того, иногда пересматри-

ваются и соотносительное значение этики и метафизики – ... метафизика становится предварением этики... В его собственном этическом трактате, *Обязательства сердца*, Бахья дает конкретный пример, помещая исследование богословских вопросов в начале книги в качестве некоего введения к последующему изучению проблем этики» – *Wolfson, H. A. The philosophy of Spinoza. Harvard university press, vol. I, p. 38.*

⁶ Сравнение логики (методологии) с медициной, название самого раннего сочинения – *Трактат об очищении (emendatio) интеллекта.*

⁷ Так Гудмен истолковывает emendatio: «*emendatio* означает очищение и исправление; так Цицерон говорит «*tota civitas emendari et corrigari solet continentia principum*» (Законы 3.13). Разумеется, данное истолкование не является единственным, однако характерно, что оно появляется в контексте сопоставления Спинозы со средневековой еврейской философией.

⁸ Мейер и Гейлинкс, опубликовавший в 1665 году свою *Этику*, являются примерами (по мнению ван Бунге достаточно характерными) того, как «голландские мыслители XVII века соединяли свой традиционный стоицизм с уроками, почерпнутыми из моральной психологии Декарта» – *van Bunge, W. Spinoza's Jewish identity and use of context // Studia Spinozana, S. Nadler; M. Walther, E. Yakira (eds.), vol. 13: Spinoza and Jewish Identity, p. 111. Также см. Aalderink, M. Spinoza and Geulincx on the Human Condition, Passions, and Love // Studia Spinozana, Wierp van Bunge (ed.), vol. 15: Spinoza and Dutch Cartesianism. Wuerzburg: Koenigshausen & Neumann, 2006, p. 67-87 и Van Ruler, H. Geulincx and Spinoza: Books, Backgrounds and Biographies // Ibid., p. 89-106.*

⁹ *van Bunge, Op.cit. p. 110.*

¹⁰ Тем не менее, некий переводчик Декарта составил учебник по этике из фрагментов трактатов и писем Декарта: *Этика, содержащая метод и краткое изложение, к пользе учащегося юношества (Ethice: In methodum et compendium, gratia studiosae juventutis, concinnata).* Этот учебник был издан в Лондоне в 1685 г. Трактат состоял из трех частей – «Часть первая о величайшем благе, счастье и свободной воле: часть вторая – о страстях; и часть третья – о любви... Часть первая состояла из латинского перевода писем Декарта к Елизавете; часть вторая представляла сокращение трех частей латинского периода Страстей души; часть третья состояла из переводов на латинский писем Декарта к Шаню и Елизавете» – *Ariew, R. Descartes, the First Cartesians, and Logic // Garber, D. (ed.) Oxford Studies on Early Modern Philosophy, Vol. 3 (2006). p. 242 и примечание 6.*

¹¹ *Декарт, Р. Сочинения в двух томах. М.: «Мысль», 1989-1994. Т. I, с. 309.*

¹² Хотя и это положение не представляется чем-то самоочевидным – «Что означает построение морали как науки, следующей из физики? Как нам понимать утверждение, что медицина, механика и этика являются высшими науками?» – *Ariew, R. Descartes and the tree of knowledge // Synthese, Vol. 92 (1992), p. 102.*

¹³ *Gabbey, A. Descartes' physics and Descartes' mechanics: chicken and egg? // Voss, S. (ed.) Essays on the philosophy and science of Rene Descartes. Oxford: Oxford University Press, p. 322.*

¹⁴ В 1597 г. Карбон издал эти же лекции, под своим именем, в качестве дополнений к логическому сочинению другого иезуита Франциско Толедо – *Addimenta ad commentaria D. Francisci Toleti in logicam Aristotelis ... Auctore Ludovico Carbone a Costacciaro.* См. *Wallace, W. A.: Randall redivivus: Galileo and the Paduan Aristotelians // Journal of the history of ideas, vol. 49.1, p. 137; Galileo and his sources. The heritage of the Collegio Romano in Galileo's science. Princeton: Princeton University Press, 1984.*

¹⁵ *Декарт, Р. Там же.*

¹⁶ «Человеческой добродетелью мы называем добродетель не тела, но души, и счастьем мы называем [тоже] деятельность души. Если это так, ясно, что государственному человеку нужно в известном смысле знать то, что относится к душе, точно так, как, вознамерившись лечить глаза, [нужно знать] всё тело, причём в первом случае это настолько же важнее, насколько политика, [или наука о государстве], ценнее и выше врачевания. А выдающиеся врачи много занимаются познанием тела. Так что и государственному мужу следует изучать связанное с душой, причём изучать ради своих собственных [целей] и в той мере, в какой это потребно для исследуемых вопросов, ибо с точки зрения [задач], стоящих перед ним, далеко идущие уточнения, вероятно, слишком трудоёмки» (1102a16); «Впрочем, условимся заранее, что давать любое [определение] поступкам лучше в общих чертах и не точно, согласно сказанному вначале, что [точность] определений необходимо соразмерять с предметом. А ведь во всём, что связано с поступками, их пользой [и вредом], нет ничего раз и навсегда установленного, так же как и [в вопросах] здоровья» (1104aff); «Может быть, тому, кто желает делать людей — многих или немногих — лучшими, уделяя внимание [их воспитанию], надо постараться научиться создавать законы, коль скоро благодаря законам мы можем стать добродетельными. Конечно, не всякий способен правильно наставить кого бы то ни было, кого ему предложено [воспитывать], а если кто и способен, то это знаток, так же как во врачебной науке и в прочих [делах], в которых [потребны] своего рода внимание [к другим] и рассудительность» (1180b24ff).

¹⁷ *Jardine, Nicholas*. Keeping order in the school of Padua: Jacopo Zabarella and Francesco Piccolomini on the offices of philosophy // *Method and order in the Renaissance philosophy*. p. 204-205.

¹⁸ Этика, V, предисловие

¹⁹ Полное название данного трактата — *Medicina Mentis, sive Tentamen genuinae Logicae, in qua disseritur de Methodo delegendi incognitas veritates*.

²⁰ См. также.: *Майданский, А. Д.*: Спиноза о предмете и задачах логики (в печати); Проблема универсального логического метода в работах Декарта и Спинозы. Дисс. ... доктора философских наук. М.: ИФ РАН, 2000. Гл. 2.

²¹ Трактат об очищении интеллекта, §§ 15-16.

Igor Kaufman, PhD in philosophy, senior teacher at the Department of the Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University

Игорь Кауфман, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета
